

Происшествие, вызванное несколькими персиками

Близился май. Солнце нещадно палило, заливая зноем черепичные крыши уездного училища.

Перед двором класса «Цзя», где готовились к провинциальным экзаменам, всюду цвели два гранатовых дерева — их пышные кроны полыхали багрянцем, словно живой огонь. Крошечные пчёлы с мерным жужжанием перелетали с одного цветка на другой, собирая нектар. В листве сустились две птички, изредка оглашая окрестности звонким щебетом, но в остальном во дворе царила глубокая тишина.

Внезапно раздался удар колокола, разрушивший безмолвие. Из комнат стали выходить ученики: одни тяжело вздыхали, другие радостно улыбались, третьи же сохраняли полное спокойствие, не выказывая ни печали, ни восторга.

Оказалось, подошёл к концу день очередных ежемесячных испытаний.

На этот раз экзамен, как и всегда, назначили на последний день четвёртого месяца. Сразу после него наступали каникулы — дни новолуния и полнолуния, так что ученики могли насладиться короткой свободой, прежде чем узнают свои результаты.

Чжан Вэньхай бесцеремонно закинул руку на плечо Фан Цзиньяна и спросил:

— Как ты ответил на тот вопрос? Терпеть не могу эти вопросы цзеда-ти! Счастье, что на провинциальных экзаменах их не бывает, иначе я бы, верно, вовек не стал цзюйжэнем.

— Обсудим это позже. Ты на себя посмотри: виснешь, как мешок с костями. Вот увидит тебя брат Чу — мигом выговорит за неподобающий вид, — Фан Цзиньян безжалостно сбросил руку друга со своего плеча.

— Эх, Цзиньян, я тебе так скажу: ты совсем перестал быть чутким. Почему все вокруг становятся такими же, как брат Чу? Такими же...

— О, и какими же? Вы обо мне говорите?

На плечо Чжан Вэньхая легла ладонь. Голос Чу Цы звучал мягко и непринуждённо, как и всегда, но его собеседник мысленно взвыл от неожиданности.

— Разумеется! Такими же, как брат Чу: многогранными, эрудированными, с широким кругозором. Истинными благородными мужами, чистыми, словно безупречная яшма! Людьми кроткого нрава, милосердными и исполненными добродетели!

Закончив тираду, Чжан Вэньхай медленно обернулся и выдал свою самую лучезарную улыбку:

— Брат Чу, ты как здесь оказался? Мы с Цзиньяном как раз толковали о твоих высоких моральных качествах. Восхищаемся тобой безмерно и во всём стремимся подражать!

Стоит признать, что он несколько покривил душой. С первыми определениями юноша был согласен целиком и полностью, а вот последние два вызывали у него некоторые сомнения.

Чу Цы едва заметно улыбнулся:

— Весьма содержательная беседа. Прошу вас, продолжайте, не останавливайтесь.

Фан Цзиньян не выдержал и рассмеялся. Старина Чу и впрямь был удивительным человеком: в искусстве сохранять невозмутимое лицо им всем было до него далеко.

Чжан Вэньхай понурил голову. В мыслях он уже перебирал новые хвалебные эпитеты, и только тогда Чу Цы решил его помиловать. Впрочем, приятель долго не унывал — его живой нрав не позволял долго помнить обиды. Вскоре он уже донимал друга расспросами о планах на первое мая.

Чу Цы собирался остаться в училище.

Пятнадцатого апреля он возил Сяо Юаня домой и в ту поездку едва не остался без крова. Родные советовали им не возвращаться до середины мая — сейчас в округе всё было перевернуто вверх дном.

Шэнь Сюнян, невестку Чу, дядя и тётушка Чу забрали к себе. Сказали, что дома слишком суетно, не ровен час толкнут или напугают, а в её положении это ни к чему. Матушка Чу и Чу Гуан, поразмыслив и убедившись в искренности приглашения, собрали гостинцы и отвезли Сюнян в поместье Ань.

Старая госпожа Ань поначалу была не слишком довольна этим браком, считая семью Чу малочисленной, а саму невестку — слишком тихой и не умеющей постоять за себя. Но стоило Чу Цы в столь юном возрасте стать сюцаем, как её отношение резко переменилось. Прежняя суровость сменилась милостью.

Теперь же её сын, благодаря заступничеству молодого учёного, получил место распорядителя на уездном складе. И хотя это не была высокая должность, по сравнению с его прежней долей привратника это было сродни прыжку к самым небесам.

В этом месяце он принёс домой целых пять лянов серебра, и теперь старуха чуть ли не родной дочерью Юньнян величала. Если кто-то из домочадцев осмеливался сказать в адрес гостыи колкое слово, хозяйка тут же осыпала дерзкую бранью.

Потому матушка Чу поначалу сильно тревожилась, но, увидев радушие госпожи Ань, окончательно успокоилась.

Люди вроде неё — создания простые. Когда они бранят тебя, хочется немедля броситься в реку; когда хвалят — кажется, будто возносишься на небеса. Подобных личностей вокруг немало, и право слово, не стоит тратить силы на обиды. Нужно лишь самому стать сильнее, и тогда увидишь: мир вокруг начнёт меняться сам собой, без малейших усилий с твоей стороны.

Первое мая, послеполуденное время

Чу Цы решил немного вздремнуть, а проснувшись, обнаружил, что Сяо Юань куда-то исчез. Накануне вечером Чжунли Юя забрал управляющий Сюй. Юный господин настойчиво звал друга с собой, но тот решительно отказался, заявив, что должен остаться и составить компанию младшему дяде.

Выйдя из жилых комнат, юноша вскоре отыскал племянника, и, судя по всему, у того были свои причины остаться.

— Сяо Юань, где это ты персиков набрал? — любопытствовал он.

Мальчик придерживал подол рубахи, в которой лежало несколько крупных плодов. Один сорванец уже всюю уплетал, так что всё лицо было в соку и персиковом пуху.

— Дядя! — Глаза Сяо Юаня радостно блеснули. — Идём скорее со мной! Там на горе за школой столько персиковых деревьев! Никто их не охраняет, и собак нет. Они, верно, ничейные! Я набрал сколько смог, даже за пазуху не влезло, несколько штук ещё под деревом лежат.

Глядя на ликующего ребёнка, Чу Цы невольно усмехнулся. Бедное дитя приняло школьную рощу за дикие заросли у себя в деревне. Малыш и не догадывался, что сторожей здесь нет лишь потому, что это территория училища: ни один студент не посмеет украсть фрукт, а чужаков сюда не пускают.

— Хорошо, пойдём, я помогу, — дядя забрал плоды у племянника и, взяв его за руку, направился к роще.

По пути он слушал, как Сяо Юань деловито распределяет добычу:

— Самый большой — дяде, поменьше — учителю, самый красный — Юй-эру, а самый красивый — супруге учителя.

Когда же дело дошло до «самого маленького — дяде Чжану», юноша прыснул со смеху. Этот сорванец был на редкость внимателен к обидам. Впрочем, винить его было сложно: Чжан Вэньхай обожал поддразнивать детей, доводя их до воплей, прежде чем угомониться.

Вернувшись в комнату и сложив сочные трофеи, Чу Цы усадил племянника писать прописи, чтобы тот немного поостыл. Сам же он тщательно очистил одежду от пуха, поправил головной убор и отправился к главе академии. Однако, поскольку на дворе стоял выходной день, главы в кабинете не оказалось. Пришлось идти к нему домой.

Когда слуга впустил гостя во двор, юноша невольно замер, чувствуя, как лицо заливают краска смущения. Откуда здесь столько учителей?! Похоже, он прервал целое собрание.

— Что привело тебя в такой день? — спросил глава академии Кун. — Проблемы в учёбе или иная причина? Если в учёбе, то тебе повезло: сегодня здесь собрались почти все наставники, можешь задать любой вопрос.

— Э-э... студент пришёл просить прощения, — вздохнул Чу Цы.

Он обдумывал возможность солгать — мол, проходил мимо и решил засвидетельствовать почтение, — но понимал, что шила в мешке не утаишь. Если об этой истории узнают позже, будет только хуже.

— Просить прощения? — Наставники переглянулись. Имя этого ученика в учительской среде было синонимом прилежания, образцом для подражания. В чём же он мог провиниться?

Когда же юноша с виноватым видом поведал о «дерзости» своего племянника, который по неведению обобрал школьную рощу, собравшиеся педагоги разразились дружным смехом. Оказалось, всему виной детское лакомство, а старший пришёл держать ответ за младшего.

Внезапно один из учителей — лицо незнакомое, суровое — пристально посмотрел на Чу Цы:

— Раз твой племянник похитил персики из рощи училища, почему ты не привёл его с собой, чтобы он сам покался?

Все поняли, что гость решил испытать красноречие юного таланта, и замолкли, с интересом ожидая ответа. Чу Цы на миг растерялся, не понимая, отчего этот незнакомец так резко сменил тон. Но, заметив, как учитель Цинь невозмутимо попивает чай, он успокоился — здесь явно крылся какой-то подвох.

Поразмыслив, юноша ответил:

— Прежде чем сорвать плоды, мой племянник осмотрелся. Не увидев ни охраны, ни собак, он счёл, что роща — ничья. А поскольку не было злого умысла, то и слово «кража» здесь вряд ли уместно. Коли нет осознания вины, нет и преступления.

— О? Коли нет осознания, нет и вины? Но если вины нет, почему же ты пришёл просить прощения? — продолжал допытываться наставник.

— Племянник не виноват по неведению, но студент-то виноват вполне осознанно! Я не только не остановил его, но и помог донести добычу до комнаты. За это и пришёл держать ответ.

— И почему же ты пошёл на это, зная правду? — В голосе незнакомца слышалось искреннее любопытство.

— Во-первых, то, что племянник сперва убедился в отсутствии хозяев, говорит о его понимании: брать чужое нельзя. Он просто ошибся из-за малого жизненного опыта. То, что он в столь юном возрасте уже различает добро и зло, меня несказанно радует. Во-вторых, сорвав персики, он съел лишь один, а остальные решил поднести старшим и учителям — такая сыновняя почтительность заслуживает похвалы. В-третьих, дети в своём невинном возрасте часто совершают ошибки. Если сейчас обрушиться на него с суровой бранью и клеймить воров, это погубит его живую натуру. Куда лучше наставить его мягко, чтобы он сам осознал проступок и впредь не повторял его.

Чу Цы сделал небольшую паузу и добавил:

— В силу этих причин я не стал обличать его сразу. Сперва я позволил ему исполнить задуманное, затем пришёл повиниться сам, а вернувшись, подробно растолкую ему, в чём он был не прав.

— Складно говоришь. А если бы он знал, что у рощи есть хозяин, и всё равно полез за персиками? Стал бы ты и тогда его выгораживать?

Юноша вздохнул и ответил:

— В том нет великого злодеяния. Родные покрывают друг друга, и в этом тоже кроется истина.

Этими словами Чу Цы напомнил о древнем принципе: если речь не идёт о государственной измене или убийстве, то сокрытие проступка близкого человека не считается преступлением для его родных, ибо в основе этого лежит естественная мораль и этика.

— Превосходно! «Родные покрывают друг друга, и в этом кроется истина», — Му Юаньшэн громко хлопнул в ладоши и рассмеялся. Это было мастерское использование слов Конфуция. — Ты, студент, обладаешь великим даром убеждения. Не хочешь ли перевестись в наше окружное училище?

Это предложение мгновенно вызвало бурю негодования среди наставников уездного училища. Надо же! Только-только у них появился ученик, которым можно гордиться, как его пытаются переманить прямо у них на глазах! Такую дерзость стерпеть было невозможно!

После прошлых экзаменов в окружное училище уехал студент по имени Су Нин. Он занял четвёртое место, и поскольку первая тройка отказалась от перевода, ему несказанно повезло. Глава окружного училища всё же очень интересовался личностью Чу Цы, а потому прислал Му Юаньшэна для обмена опытом, а заодно — чтобы испытать юношу.

Чу Цы, не колеблясь ни секунды, сложил руки в поклоне:

— Благодарю почтенного учителя за высокую оценку. Однако все мои знания — плод трудов наставников этого училища. Я ещё не до конца постиг их мудрость, как же я посмею искать наставлений в другом месте? Иначе я лишь навлеку позор на своих учителей. Прошу простить, но я не могу принять ваше предложение.

Педагоги довольно заулыбались, а Му Юаньшэн ничуть не разгневался:

— Достойно. Помнить о тех, кто тебя воспитал — первейший долг ученика. В начале июня в нашей области Ганьчжоу пройдут состязания между всеми уездными училищами. Надеюсь увидеть тебя в рядах участников.

<http://bllate.org/book/15354/1437027>